Старый уличный фонарь

Слыхали вы историю про старый уличный фонарь? Она не то чтобы так уж занятна, но послушать ее разок не мешает. Так вот, жил-был этакий почтенный старый уличный фонарь; он честно служил много-много лет и наконец должен был выйти в отставку.

Последний вечер висел фонарь на своем столбе, освещая улицу, и на душе у него было как у старой балерины, которая в последний раз выступает на сцене и знает, что завтра будет всеми забыта в своей каморке.

Завтрашний день страшил старого служаку: он должен был впервые явиться в ратушу и предстать перед "тридцатью шестью отцами города", которые решат, годен он еще к службе или нет. Возможно, его еще отправят освещать какой-нибудь мост или пошлют в провинцию на какую-нибудь фабрику, а возможно, просто сдадут в переплавку, и тогда из него может получиться что угодно. И вот его мучила мысль: сохранит ли он воспоминание о том, что был когда-то уличным фонарем. Так или иначе, он знал, что ему в любом случае придется расстаться с ночным сторожем и его женой, которые стали для него все равно что родная семья. Оба они — и фонарь и сторож — поступили на службу одновременно. Жена сторожа тогда высоко метила и, проходя мимо фонаря, удостаивала его взглядом только по вечерам, а днем никогда. В последние же годы, когда все трое — и сторож, и его жена, и фонарь — состарились, она тоже стала ухаживать за фонарем, чистить лампу и наливать в нее ворвань. Честные люди были эти старики, ни разу не обделили фонарь ни на капельку.

Итак, светил он на улице последний вечер, а поутру должен был отправиться в ратушу. Мрачные эти мысли не давали ему покоя, и не мудрено, что и горел он неважно. Впрочем, мелькали у него и другие мысли; он многое видел, на многое довелось ему пролить свет, быть может, он не уступал в этом всем "тридцати шести отцам города". Но он молчал и об этом. Он ведь был почтенный старый фонарь и не хотел никого обижать, а уж свое начальство тем более.

А между тем многое вспоминалось ему, и время от времени пламя его вспыхивало как бы от таких примерно мыслей:

"Да, и обо мне кто-нибудь вспомнит! Вот хоть бы тот красивый юноша… Много лет прошло с тех пор. Он подошел ко мне с письмом в руках. Письмо было на розовой бумаге, тонкой-претонкой, с золотым обрезом, и написано изящным женским почерком. Он прочел его дважды, поцеловал и поднял на меня

сияющие глаза. "Я самый счастливый человек на свете!" — говорили они. Да, только он да я знали, что написала в своем первом письме его любимая.

Помню я и другие глаза... Удивительно, как перескакивают мысли! По нашей улице двигалась пышная похоронная процессия. На обитой бархатом повозке везли в гробу молодую прекрасную женщину. Сколько было венков и цветов! А факелов горело столько, что они совсем затмили мой свет. Тротуары были заполнены людьми, провожавшими гроб. Но когда факелы скрылись из виду, я огляделся и увидел человека, который стоял у моего столба и плакал. — Никогда мне не забыть взгляда его скорбных глаз, смотревших на меня!"

И много о чем еще вспоминал старый уличный фонарь в этот последний вечер. Часовой, сменяющийся с поста, тот хоть знает, кто заступит его место, и может перекинуться со своим товарищем несколькими словами. А фонарь не знал, кто придет ему на смену, и не мог рассказать ни о дожде и непогоде, ни о том, как месяц освещает тротуар и с какой стороны дует ветер.

В это-то время на мостик через водосточную канаву и явились три кандидата на освобождающееся место, полагавшие, что назначение на должность зависит от самого фонаря. Первым была селедочная головка, светящаяся в темноте; она полагала, что ее появление на столбе значительно сократит расход ворвани. Вторым была гнилушка, которая тоже светилась и, по ее словам, даже ярче, чем вяленая треска; к тому же она считала себя последним остатком всего леса. Третьим кандидатом был светлячок; откуда он взялся, фонарь никак не мог взять в толк, но тем не менее светлячок был тут и тоже светился, хотя селедочная головка и гнилушка клятвенно уверяли, что он светит только временами, а потому не в счет.

Старый фонарь сказал, что ни один из них не светит настолько ярко, чтобы служить уличным фонарем, но ему, конечно, не поверили. А узнав, что назначение на должность зависит вовсе не от него, все трое выразили глубокое удовлетворение — он ведь слишком стар, чтобы сделать верный выбор.

В это время из-за угла налетел ветер и шепнул фонарю под колпак:

— Что такое? Говорят, ты уходишь завтра в отставку? И я вижу тебя здесь в последний раз? Ну, так вот тебе от меня подарок. Я проветрю твою черепную коробку, и ты будешь не только ясно и отчетливо помнить все, что видел и слышал сам, но и видеть как наяву все, что будут рассказывать или читать при тебе. Вот какая у тебя будет свежая голова!

— Не знаю, как тебя и благодарить! — сказал старый фонарь. — Лишь бы не попасть в переплавку!

— До этого еще далеко, — отвечал ветер. — Ну, сейчас я проветрю твою память. Если бы ты получил много таких подарков, у тебя была бы приятная старость.

— Лишь бы не попасть в переплавку! — повторил фонарь. — Или, может, ты и в этом случае сохранишь мне память? — Будь же благоразумен, старый фонарь! — сказал ветер и дунул.

В эту минуту выглянул месяц.

— А вы что подарите? — спросил ветер.

— Ничего, — ответил месяц. — Я ведь на ущербе, к тому же фонари никогда не светят за меня, всегда я за них.

И месяц опять спрятался за тучи — он не хотел, чтобы ему надоедали. Вдруг на железный колпак фонаря капнула капля. Казалось, она скати-

лась с крыши, но капля сказала, что упала из серых туч, и тоже — как подарок, пожалуй даже самый лучший.

— Я проточу тебя, — сказала капля, — так что ты получишь способность в любую ночь, когда только пожелаешь, обратиться в ржавчину и рассыпаться прахом.

Фонарю этот подарок показался плохим, ветру — тоже.

— Кто даст больше? Кто даст больше? — зашумел он что было сил.

И в ту же минуту с неба скатилась звезда, оставив за собой длинный светящийся след.

— Что это? — вскрикнула селедочная головка. — Никак, звезда с неба упала? И кажется, прямо на фонарь. Ну, если этой должности домогаются столь высокопоставленные особы, нам остается только откланяться и убраться восвояси.

Так все трое и сделали. А старый фонарь вдруг вспыхнул особенно ярко.

— Вот это чудесный подарок! — сказал он. — Я всегда так любовался ясными звездами, их дивным светом! Сам я никогда не мог светить, как они, хотя стремился к этому всем сердцем. И вот они заметили меня, жалкий старый

фонарь, и послали мне в подарок одну из своих сестриц. Они одарили меня способностью показывать тем, кого я люблю, все, что я помню и вижу сам. Вот это поистине удовольствие! А то и радость не в радость, если нельзя поделиться ею с другими.

— Почтенная мысль, — сказал ветер. — Но ты, верно, не знаешь, что к этому дару полагается восковая свеча. Ты никому ничего не сможешь показать, если в тебе не будет гореть восковая свеча. Вот о чем не подумали звезды. И тебя, и все то, что светится, они принимают за восковые свечи. Ну, а теперь я устал, пора улечься, — сказал ветер и улегся.

На другое утро… нет, через день мы лучше перескачем — на следующий вечер фонарь лежал в кресле, и у кого же? У старого ночного сторожа. За свою долгую верную службу старик попросил у "тридцати шести отцов города" старый уличный фонарь. Те посмеялись над ним, но фонарь отдали. И вот теперь фонарь лежал в кресле возле теплой печи и, казалось, будто вырос от этого — он занимал чуть ли не все кресло. Старички уже сидели за ужином и ласково поглядывали на старый фонарь: они охотно посадили бы его с собой хоть за стол.

Правда, жили они в подвале, на несколько локтей под землей, и чтобы попасть в их каморку, надо было пройти через вымощенную кирпичом прихожую, зато в самой каморке было тепло и уютно. Двери были обиты по краям войлоком, кровать пряталась за пологом, на окнах висели занавески, а на подоконниках стояли два диковинных цветочных горшка. Их привез матрос Христиан не то из Ост-Индии, не то из Вест-Индии. Это были глиняные слоны с углублением на месте спины, в которое насыпалась земля. В одном слоне рос чудесный лук-порей — это был огород старичков, в другом пышно цвела герань — это был их сад. На стене висела большая масляная картина, изображающая Венский конгресс, на котором присутствовали разом все императоры и короли. Старинные часы с тяжелыми свинцовыми гирями тикали без умолку и вечно убегали вперед, но это было лучше, чем если бы они отставали, говорили старички.

Итак, сейчас они ужинали, а старый уличный фонарь лежал, как сказано выше, в кресле возле теплой печки, и ему казалось, будто весь мир перевернулся вверх дном. Но вот старик сторож взглянул на него и стал припоминать все, что им довелось пережить вместе в дождь и в непогоду, в ясные, короткие летние ночи и в снежные метели, когда так и тянет в подвальчик, — и старый фонарь словно очнулся и увидел все это как наяву.

Да, славно его проветрил ветер!

Старички были люди работящие и любознательные, ни один час не пропадал у них зря. По воскресеньям после обеда на столе появлялась какая-нибудь книга, чаще всего описание путешествия, и старик читал вслух про Африку, про ее огромные леса и диких слонов, которые бродят на воле. Старушка слушала и поглядывала на глиняных слонов, служивших цветочными горшками.

— Воображаю! — приговаривала она.

А фонарю так хотелось, чтобы в нем горела восковая свеча, — тогда старушка, как и он сам, наяву увидела бы все: и высокие деревья с переплетающимися густыми ветвями, и голых черных людей на лошадях, и целые стада слонов, утаптывающих толстыми ногами тростник и кустарник.

— Что проку в моих способностях, если нет восковой свечи? — вздыхал фонарь. — У стариков только ворвань да сальные свечи, а этого мало.

Но вот в подвале оказалась целая куча восковых огарков. Длинные шли на освещение, а короткими старушка вощила нить, когда шила. Восковые свечи теперь у стариков были, но им и в голову не приходило вставить хоть один огарок в фонарь.

— Ну, вот и стою я тут со всеми моими редкими способностями, — говорил фонарь. — Внутри у меня целое богатство, а я не могу им поделиться! Ах, вы не знаете, что я могу превратить эти белые стены в чудесную обивку, в густые леса, во все, чего вы пожелаете!.. Ах, вы не знаете!

Фонарь, всегда вычищенный и опрятный, стоял в углу, на самом видном месте. Люди, правда, называли его старым хламом, но старики пропускали такие слова мимо ушей — они любили старый фонарь.

Однажды, в день рождения старого сторожа, старушка подошла к фонарю, улыбнулась и сказала:

— Сейчас мы зажжем в его честь иллюминацию!

Фонарь так и задребезжал колпаком от радости. "Наконец-то их осенило!" — подумал он.

Но досталась ему опять ворвань, а не восковая свеча. Он горел весь вечер и знал теперь, что дар звезд — чудеснейший дар — так и не пригодится ему в этой жизни.

И вот пригрезилось фонарю — с такими способностями не мудрено и грезить, — будто старики умерли, а сам он попал в переплавку. И страшно ему, как в тот раз, когда предстояло явиться в ратушу на смотр к "тридцати шести отцам города". И хотя он обладает способностью по своему желанию рассыпаться ржавчиной и прахом, он этого не сделал, а попал в плавильную печь и превратился в чудесный железный подсвечник в виде ангела с букетом в руке. В букет вставили восковую свечу, и подсвечник занял свое место на зеленом сукне письменного стола. Комната очень уютна; все полки заставлены книгами, стены увешаны великолепными картинами. Здесь живет поэт, и все, о чем он думает и пишет, развертывается перед ним, как в панораме. Комната становится то дремучим темным лесом, то озаренными солнцем лугами, по которым расхаживает аист, то палубой корабля, плывущего по бурному морю…

— Ах, какие способности скрыты во мне! — сказал старый фонарь, очнувшись от грез. — Право, мне даже хочется попасть в переплавку. Впрочем, нет! Пока живы старички — не надо. Они любят меня таким, какой я есть, я для них все равно что сын родной. Они чистят меня, заливают ворванью, и мне здесь не хуже, чем всем этим высокопоставленным особам на конгрессе.

С тех пор старый уличный фонарь обрел душевное спокойствие — и он его заслужил.